

10. Чеченов А. А. Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западнокыпчакским языкам: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1978.
11. Асаналиев У. Лобнор тилинин грамматикалык кыскача очерки. Фрунзе, 1964.
12. Умаров Э. А. Паве де Куртей — лексикограф. — СТ, 1981, № 6.
13. Оконешников Е. И. Э. К. Пекарский как лексикограф. Новосибирск, 1982.
14. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen. 1. Tl. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1883.
15. Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen. — ЗАН, 1906, сер. VIII, VII, № 7.

Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. 2-е, доп. изд. — М.: Наука, 1981. 344 с.

Из многочисленных разновидностей перевода внимание исследователей более всего привлекали перевод художественной литературы, с одной стороны, и перевод научной и технической литературы — с другой. Если перевод художественной литературы, являющийся — как это общепризнано, — искусством, связан с постановкой наиболее острых проблем эстетики слова (причем закономерности соотношений между сопоставляемыми языками прослеживаются в весьма опосредованной и неявной форме), то в переводе научной и технической литературы эти закономерности выступают несравненно более рельефно, так что создается возможность проследить их со значительной степенью точности. Развитие теории каждого из этих видов перевода, которое шло своими путями и было связано со своими специфическими трудностями, привело и к накоплению опыта, ценного материала, и к важным теоретическим обобщениям. Что касается научной и технической литературы, то для изучения возможностей и конкретных средств ее перевода существование объективных закономерностей в соотношении между соответствующими языками служило особо благоприятным условием.

В разработке и построении теории этого вида перевода бесспорны заслуги автора рецензируемой книги. А. Л. Пумпянский написал ряд работ, относящихся к данной области. Основанные на англо-русском и русско-английском материале, они тесно сочетают в себе интересы теории и практики [1—5]. Теоретически наиболее насыщенная среди них — «Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык» — вышла в свет первым изданием в 1965 г., но не стала тогда предметом обсуждения в ваших специально лингвистических либо переводоведческих изданиях. Теперь она переиздана, обогащенная опытом дальнейших исследований автора (в особенности [6]) и снабженная большим послесловием «Становление и развитие теории перевода научной и технической литературы (1965—1980) как билингвистического ядра нового функционального стиля эпохи НТР» (с. 301—334). И хотя корпус книги не претерпел существенных изменений (опущены один раздел и несколько параграфов), именно в связи с послесловием ее

содержание приобретает принципиально новый интерес.

Автор исходит прежде всего из языковой реальности, из материала обоих сопоставляемых языков или — точнее — исходного (русского) и переводящего (английского), из реального состояния того функционального стиля (научной и технической литературы), в котором она проявляется. При этом А. Л. Пумпянский отрицательно оценивает существующую у некоторых зарубежных англистов тенденцию — не считаться с происшедшими и происходящими в языке изменениями и руководствоваться устаревшей, но якобы более совершенной нормой. Он отвергает и попытки искусственно упростить язык науки и техники, т. е. насильственно навязывать ему нарочито примитивные и стандартные формы выражения — якобы для удобства восприятия и перевода, но фактически в ущерб содержанию мысли. Признавая значение термина как носителя важнейшей научной информации, автор убедительно возражает против стремления объявить его главной и определяющей особенностью научных и технических текстов. В противовес такой еще широко распространенной точке зрения он настаивает на необходимости учитывать языковое окружение термина в тексте, роль нетерминологической лексики и грамматических связей как факторов, способствующих и верному осмыслению данных исходного языка, и выбору нужных средств в переводящем языке. Вообще то обстоятельство, что характеристика и анализ средств переводящего языка, в особенности средств грамматических, явно играет в книге доминирующую роль, оказывается в ней и организующим принципом, отличающим ее от многих работ о переводе, в которых гораздо большее место отводится особенностям исходного языка.

Глубокий и твердый лингвистический фундамент — результат работы исследователя над конкретным материалом — составляет важное достоинство книги, предназначенной служить теоретическим введением в практику перевода. Отметим, что среди представителей практики перевода научной и технической литературы бытует взгляд, согласно которому перевод технических текстов должны осуществлять специалисты соответствующей отрасли науки или техники, при том

независимо от степени знания данного языка и закономерностей в соотношении между исходным и переводящим языками. Такое мнение основано на неверной предпосылке, будто знание внеязыковых фактов и владение терминологией способно обеспечить полноценную передачу текста на другом языке. В своем Послесловии автор убедительно демонстрирует всю несостоятельность этого взгляда. На с. 307 он замечает: «Многokrатно доказано, что чем больше у „специалиста“ знаний, тем грубее его ошибки при переводе, если он слабо владеет иностранным языком и судит о содержании оригинала только по значениям известных ему терминов. „Специалист“, владеющий только этими терминами, не может перевести ни одной новой мысли, содержащейся в оригинале, он может „скомпоновать“ из них только мысли, уже ему известные». В этой связи можно напомнить, что и в области теории художественного перевода длительное время (с 1950-х до 1970-х годов) весьма популярна была антиязыковедческая тенденция, либо вовсе отрицавшая компетенцию лингвистов в вопросах этого вида переводов, либо всячески ограничивавшая ее. При этом, правда, важность и необходимость знания обоих языков под сомнение не ставились, но отвергались применение лингвистической теории, понятия закономерностей в межязыковых соотношениях, имеющих в искусстве перевода якобы только «техническое» значение. Провозглашалась первостепенная роль знания, творческого видения той действительности, которая стояла за текстом оригинала и отразилась в нем. Этот взгляд вызывал острую критику со стороны исследователей, не мысливших перевод вне его языковой специфики. Дальнейшее развитие науки о переводе — и в нашей стране и за рубежом — показало, что без лингвистической теории, во всяком случае — без синтеза языковедческого и литературоведского (эстетического) подходов здесь не обойтись.

Разъясняя, обосновывая, комментируя в Послесловии к книге свой метод исследования (а тем самым и вытекающий из него дидактический подход к практике перевода, к обучению ей), автор рецензируемой книги формулирует его как билингвистический¹ (с. 303—304), причем понятие билингвизма используется им в широком смысле — независимо от меры полноты двуязычия. Говоря о билингвистичности как о двусторонности исследования, активно учитывающем соотношение двух языков, А. Л. Пумпянский не ставит, однако, вопроса о существенном отличии теории перевода от контрастной лингвистики. По этому поводу следует сделать следующее уточнение. Если контрастная лингвистика имеет дело, как это принято считать, с сопоставлением уже достигнутых результатов опи-

сания двух языков, с «наложением» друг на друга двух синхронных срезов этих языков в их статике, то билингвистическая теория перевода состоит в том, что соотношение языков рассматривается в их взаимодействии, в движении и что на этой основе определяются те или иные закономерные соответствия между исходным и переводящим языками и между двумя речевыми произведениями — оригиналом и переводом. Для научной и технической литературы наиболее важное из этих соответствий — эквиваленты (как лексические, так и грамматические), соответствия однозначно точные, в принципе не предполагающие и не требующие вариантов. Именно они составляют постоянный предмет внимания автора не только в рецензируемой, но и в других его работах.

Билингвистичность исследования приводит и к другому важному результату — к установлению универсальности явлений функционального стиля научной и технической литературы в разных языках на современном этапе. Это подтверждается всей массой параллельных двуязычных примеров, имеющих и в корпусе рецензируемой книги, и в Послесловии. Универсальность же названного стиля тесно связана с формально-логическим принципом изложения материала, свойственным научно-технической литературе (с. 18—19).

Материалом книги послужили тексты из области так называемых точных и естественных наук и техники, в Послесловии же автор сообщает, что, как в дальнейшем выяснилось, «...формально-логический (коллективный) способ изложения материала специфичен не только для точных и естественных наук, но и для всех других наук: экономики, истории, географии, права, архитектуры, языковедения и т. п., которые мы раньше... исключали из сферы действия перевода научной и технической литературы как особой дисциплины» (с. 303). И далее там же: «Тем самым сфера действия теории перевода НИТЛ как особой дисциплины неизмеримо расширилась, и сам термин НИТЛ (научная и техническая литература) объединил ранее непоследовательно применявшиеся понятия — „научная литература“, „техническая литература“, „научно-техническая литература“» (с. 303).

Эти положения чрезвычайно важны как для общей теории перевода, так и для стилистики научной речи в двуязычном плане. И хотя А. Л. Пумпянский не приводит, к сожалению, ни иллюстративных аргументов в пользу высказанного тезиса, ни ссылок ни какие-либо научные труды, утверждение представляется убедительным. Автор настоящей рецензии, высказав однажды аналогичную мысль относительно лингвистических работ, которым присущ способ изложения, приближающий их во многом к сфере точных наук» [8], пытался иллюстрировать и подтвердить ее анализом двуязычных конкретных примеров, по неизбежности выборочных. Нельзя не пожалеть, что А. Л. Пумпянский, оставив корпус книги в прежнем виде, не

¹ Ср. аналогичную постановку вопроса Б. А. Лариним: «Можно ли возражать против положения, что перевод является функциональной разновидностью билингвизма?» [7].

ввел ни в него, ни в Послесловие примеров из текстов по гуманитарным наукам.

Другой результат, сформулированный А. Л. Пумпянским тоже после выхода в свет первого издания рецензируемой книги и отраженный с большой полнотой в [6], — выявление на материале английского языка того, что автор назвал «третьим порядком слов». Формально совпадая с обычным прямым порядком (подлежащее — сказуемое), «третий порядок» предполагает иное распределение смысловых нагрузки, иное темо-рематическое построение, поскольку подлежащее, стоящее на первом месте, оказывается в этом случае сильным, а не слабым, несет основную информацию. Связанный с этим круг вопросов и выводы, уточненные и обогатившие теорию актуального членения предложения благодаря применению к ней теории логико-грамматического членения предложения В. З. Панфилова и билингвистического метода анализа языкового материала (ср. [9])², излагаются в сжатой форме в Послесловии (с. 323—328).

Второй раздел Послесловия, в котором специально излагается вопрос о «третьем порядке слов», написан очень сжато и насыщен обобщениями, относящимися к самому корпусу книги: здесь функциональный стиль научной и технической литературы характеризуется по таким показателям, как специфика языковых категорий многозначности, полифункциональности, нейтральности и универсальности, способ изложения, фонетическая система [т. е. особые орфоэпические нормы, отличные от норм быстрого (усеченного) стиля произношения], лексический состав и выделенные в нем «слова-организаторы», грамматический строй и важнейшая принадлежность последнего — логико-грамматическое членение предложения.

Научная и техническая литература служила и служит, как известно, практически единственным объектом для опытов машинного перевода, и хотя книга А. Л. Пумпянского посвящена переводу как человеческой деятельности, требующей творчества (ср., в частности, установление новых эквивалентов), автор в конце Послесловия рассматривает некоторые лингвистические аспекты машинного перевода научной и технической литературы (с. 328—334). Констатируя незначительность успехов, достигнутых до сих пор машинным переводом, подчеркивая несерьезность и несостоятельность разговоров об «интеллекте» или «языке машины», автор отмечает и пользу, которую общему языкознанию принесли опыты машинного перевода и возникшая вокруг него теория. «Лингвисты, — пишет он, — получили реальное подтверждение бесспорного для них положения о том, что ни одна ЭВМ, построенная на прин-

ципе двоичных сигналов (кодов) и использующая примитивный „двузначный и искусственный мозг“, не в состоянии справиться со сложной многозначностью естественных языков» (с. 331).

Споря со сторонниками «искусственного интеллекта», продолжающими утверждать, что «нет разницы между кибернетической машиной достаточно высокой организации и человеком, между искусственным и естественным способом ее создания», автор, однако, отнюдь не считает полностью бесперспективными дальнейшие поиски в области машинного перевода. Возможности их успеха способно, по его мнению, действовать изменение в самом понимании их задачи и способов ее решения, признание ведущей роли лингвистов в исследовании билингвистических закономерностей научной и технической литературы, в частности, проблемы языковой многозначности. Параллельно с этим А. Л. Пумпянский возражает против стремления некоторых лингвистов механистически переносить «чисто физические законы, применяемые в машинной теории передачи информации, на действительность человека без надлежащего учета его уникальных человеческих творческих возможностей» (с. 308). Это возражение и справедливо, и актуально для современного состояния языковедческой науки. Исходя из богатства возможностей человека как переводчика, А. Л. Пумпянский отстаивает и принцип переводимости, являющийся одним из основных в отечественной теории перевода и принимаемый также многими прогрессивными теоретиками за рубежом. В отношении перевода научной и технической литературы автор придерживается мнения, что он может быть стилистически лучше оригинала, т. е. более ясно и точно, более понятно и корректно передавать заключенные в подлиннике мысли. Последнее положение было бы, конечно, нелепо в области художественного перевода, позволяющего говорить в оптимальном случае только о его эстетической равновеликости по отношению к оригиналу, но, конечно, не об «улучшении» его формы. В литературе же научной и технической — именно с точки зрения культуры речи — форма оригинала, если она не соответствует определенным требованиям формально-логического изложения, т. е. требованиям достаточной для понимания ясности и точности, может допускать, даже делать желательными «доработки», стилистические корректировки со стороны переводчика. Естественно, что необходимым, хотя, конечно, и элементарным условием реализации этого положения является признание недопустимости буквализмов, поскольку они всегда и затемняют смысл текста, и нарушают норму переводящего языка.

Весь массив двуязычных примеров, использованных в книге в качестве не только иллюстративного, но и важного доказательного материала, равно как и манера авторского изложения, практически подтверждают позицию А. Л. Пумпянского в вопросе о культуре речи в научной и технической литературе. Это уместно подчеркнуть потому, что в со-

² Следует подчеркнуть, что в [6] заново пересмотрен ход развития теории актуального членения предложения: начало ее А. Л. Пумпянский возводит не к трудам В. Матеизуса, обычно считающегося ее основоположником, а к работе французского лингвиста А. Вейля.

временных отечественных работах по вопросам перевода, как, впрочем, и по другим вопросам языкознания, более или менее устойчиво обозначились две тенденции, каждая со своей стилистической манерой: одна (условно говоря) — структурно-формализационная — представляет в своем роде подражание «точным» наукам, что выражается и в широком применении моделей, схем, вообще — в схематизировании и в усложненности терминологии (часто иноязычного происхождения) и синтаксиса; другая же (тоже условно говоря) — гуманитарно-филологическая, не пренебрегает средствами «общечеловеческого» языка и не избегает общепонятных средств выражения (не в ущерб сложности предмета исследования и вне задач нарочитой популяризации). Первая тенденция встречается и при анализе художественной литературы, вторая проявляется и на материале научных и технических текстов. Именно гуманитарно-филологическим может быть признан подход А. Л. Пумпянского к исследуемым явлениям функционального стиля научной и технической литературы. Плодотворность этого подхода, как явствует из всего сказанного, не вызывает сомнений.

Федоров А. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пумпянский А. Л.* Перевод английской научной литературы (Грамматика). М., 1961.
2. *Пумпянский А. Л.* Перевод английской литературы (Лексика). М., 1961.
3. *Пумпянский А. Л.* Чтение и перевод английской научной и технической литературы. М., 1962.
4. *Пумпянский А. Л.* Пособие по переводу научной и технической литературы на английский язык. М., 1963.
5. *Пумпянский А. Л.* Лексические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты. Калинин, 1980.
6. *Пумпянский А. Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.
7. *Ларин Б. А.* Наши задачи. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., 1962, с. 6.
8. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода. 3-е изд. М., 1968, с. 253.
9. *Чесноков П. В.* — ВЯ, 1978, № 3. — Рец. на кн.: *Пумпянский А. Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.